

«Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII — первой половины XVIII в.*

Петр Сергеевич Стефанович

Научно-исследовательский университет–Высшая школа экономики
Институт российской истории РАН
Москва, Россия

The “Slavic-Russian Nation” in the Historical Literature of Ukraine and Russia from the 1600s to the mid-1700s

Petr S. Stefanovich

National Research University Higher School of Economics
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается история понятия «славянороссийский народ». Впервые это понятие употребил Захария Копыстенский в 1624 г., а сравнительно широко оно использовалось в «Синописе» — первой печатной русской истории, вышедшей в Киеве в 1674 г. В книге оно обозначало некий древний славянский народ, в котором автор видел непосредственного предшественника современного ему «российского народа». Соединяя «славян» и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42050. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42050.

Цитирование: Стефанович П. С. «Славянороссийский народ» в исторической литературе Украины и России XVII — первой половины XVIII в. // *Slověne*. 2019. Vol. 9, № 2. С. 417–447.

Citation: Stefanovich P. S. (2020) The “Slavic-Russian Nation” in the Historical Literature of the Ukraine and Russia in the 17th—mid 18th Centuries. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 417–447.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.2.9

«россов» в один «народ», «Синописис» развивал идею, обозначенную еще в польской «Хронике» М. Стрыйковского (1582 г.) и сформулированную позднее, в 1620–1630-е гг., киевскими интеллектуалами. Конструкция «Синописиса» доказывала, что «россы» (т. е. население Украины и Московского государства) едины в силу и «естества» (их общего происхождения), и использования ими одного языка («словенского», т. е. церковнославянского). В качестве факторов единства «россов» «Синописис» еще указывал на одну власть (московского царя) и на одну религию (православие). Эта концепция обеспечила популярность «Синописиса» в России. В русской литературе XVII в. тоже предпринимались этногенетические конструкции с опорой на ренессансную историографию, и независимо от украинской литературы было изобретено слово «славянорусский» (в «Сказании о Словене и Русе»). Смысл и украинских, и русских конструкций мифического «славянорусского/славянороссийского» прошлого состоял в создании «воображаемой» этнокультурной нации. Эти конструкции способствовали формированию «российской» имперской идентичности в петровскую эпоху. Однако само понятие «славяно-российский народ» оказалось не востребовано в политическом дискурсе петровской империи, а в исторической литературе XVIII в., хотя и сохранялось в употреблении (во многом благодаря влиянию «Синописиса»), уже не имело концептуального значения.

Ключевые слова

российская идентичность, нация, историография, культурная реформа Петра I

Abstract

The article analyzes the history of the concept of a "Slavic-Russian nation". The concept was first used by Zacharia Kopystenskij in 1624, but its wide occurrence starts in 1674, when *Synopsis*, the first printed history of Russia, was published in Kiev. In the book, "Slavic-Russian nation" refers to an ancient Slavic people, which preceded the "Russian nation" ("rossiyskiy narod") of the time in which the book was written. Uniting "Slavs" and "Russians" ("rossy") into one "Slavic-Russian nation", the author of *Synopsis* followed the idea which was proposed but not specifically defined by M. Strykovskij in his *Chronicle* (1582) and, later, by the Kievan intellectuals of the 1620s–30s. The construction of *Synopsis* was to prove that "Russians" ("rossy") were united by both the common Slavic origin and the Church Slavonic language used by the Orthodox Slavic peoples. According to *Synopsis*, they were also supposed to be united by the Muscovite tsar's authority and the Orthodox religion. The whole conception made *Synopsis* very popular in Russia in the late 17th century and later. Earlier in the 17th-century literature of the Muscovite State, some authors also proposed ethno-genetic constructions based on Strykovskij's *Chronicle* and other Renaissance historiography. Independently from the Kievan literature, the word "Slavic-Russian" was invented (first appearance in the *Legend about Sloven and Rus*, 1630s). Both the Kievan and Muscovite constructions of a mythical "Slavic-Russian nation" aimed at making an "imagined" ethno-cultural nation. They contributed to forming a new Russian imperial identity in the Petrine epoch. However, the concept of a "Slavic-Russian nation" was not in demand in the political discourse of the Petrine Empire. It was sporadically

used in the historical works of the 18th century (largely due to the influence of *Synopsis*), but played no significant role in the proposed interpretations of Russian history.

Keywords

Russian identity, nation, historiography, Peter the Great's cultural reform

«Славянороссийский язык» — выражение, хорошо известное специалистам по истории русского языка и литературы XVIII в. Обычно о нем говорят в связи с переходом от специфической средневековой языковой ситуации диглоссии или системы нескольких языковых регистров к национальному литературному языку [ср.: Успенский 1994]. Рубежной для этого перехода стала петровская реформа азбуки, шрифта и языка. В. М. Живов подчеркнул также значение теории «славянороссийского языка», выдвинутой в середине XVIII в. В. К. Третьяковским и М. В. Ломоносовым, которая способствовала преодолению противопоставления книжного церковнославянского («словенского» в терминологии того времени) языка русскому (скорее разговорному) [Живов 1996: 265-428].

Филологи — специалисты по XVIII в. не ставили вопроса о происхождении композита «славянороссийский», довольствуясь тем, что оно читается в заглавии уже первой русской грамматики XVIII в.: «Руководение в грамматику во славянороссийскую или московскую» (пер. белоруса И. Ф. Копиевского, оказавшегося на службе Петра I; книга вышла в 1706 г. в Данциге). «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не знает слова *славянорусский* (или *славянороссийский*, *славяноросский*, *словенорусский* и т.п. — все это варианты одного понятия) [ср.: СлРЯ XI–XVII вв., «Выпуск 25 (*Скорынья — Снулый*)»]. На самом деле, как увидим ниже, слово было в ходу уже, по крайней мере, в XVII в. Его происхождение и бытование могут стать темой специального исследования. В данной статье, написанной с исторической точки зрения, обращается внимание на то, что оно употреблялось не только для определения языка, но и *народа*. Например, тот же М. В. Ломоносов, рассуждая в лингвистических работах о «славенороссийском языке», в «Древней российской истории» пишет о «славенороссийском народе» (см. ниже).

Что имелось в виду под этим обозначением, которое, очевидно, отсылало к некой общности этнического характера и должно было иметь важное историческое (а может быть, и политическое) значение? Применительно к русской литературе XVII–XVIII вв. этим вопросом, насколько я знаю, никто не задавался. Однако в последнее время некоторые американские историки украинского происхождения проявили особый интерес к использованию понятия «славянороссийский народ»

в «Синописе» — известном памятнике украинской историографии XVII в., популярном позднее и в России. Так, З. Когут, отталкиваясь от «Синописа», очень широко толкует это понятие, называя «славянороссийской» «высокую культуру», которую развивало православное украинское духовенство в постмогилянское время и к которой стремилась приобщиться Россия с середины XVII в. [Когут 2004: 156]. С. Плохий говорит о специфическом «славянороссийском проекте идентичности», предложенном «Синописом». «Проект» предполагал создание «новой нации» из руси Украины и Московского государства под властью православного царя, и позднее, в петровское время, он, в сочетании с имперскими идеями, был успешно развит Феофаном Прокоповичем и другими представителями украинского духовенства [Plokhy 2006: 258–266].

При таком подходе понятию «славянороссийского народа» отводится ключевая роль в понимании не только вклада «малороссийской» учености в русскую культуру и петровские реформы, но и формирования Российской империи. Между тем, история понятия и его смысловое наполнение (возможно, изменчивое) не исследуются, и без ответов остается целый ряд возникающих вопросов: почему и откуда оно появилось в «Синописе», как оно было воспринято в России и т. д. Главный вопрос состоит в том, почему при рождении некоей особой «культуры» или создании особого «проекта идентичности» кто-то решил «уточнить» определение «российский» через дополнение именно словом «славянский», а не каким-то иным. В чем смысл сближения этих двух слов? Даже при поверхностном знакомстве с «Синописом» очевидно, что «славянороссийский народ» встроен автором книги в этногенез «российского народа», и важно установить, как сконструирован этот этногенез и как соотносятся эти два «народа» в общей концепции книги.

Собственно, эти взаимосвязанные вопросы и задают отправную точку предлагаемого ниже исследования. В начале статьи рассматривается связь обозначений *славянский* и *русский* в исторической литературе XVII в., фиксируется происхождение понятия «славянороссийский народ», затем анализируется его место в «Синописе» и рецепция в России. В конце дается оценка тезису о «славянороссийском проекте» как ключевой модели русского (российского) нациестроительства. Надо оговориться, что исследование, предлагаемое в статье, — не терминологического или лексикографического характера, оно написано, скорее, в духе истории идей (или истории общественной мысли). Не ставится цели дать обзор всех упоминаний выражения «славянороссийский народ» в тех или иных текстах за тот или иной период или выявить все смыслы, которое оно имело у разных авторов в разных кон-

текстах в разное время. Меня интересует смена или эволюция идейных моделей и парадигм идентичности в Восточной Европе в XVII — начале XVIII в., которая выразилась, в частности, в изобретении и употреблении понятия «славянорусский народ». Поскольку по сути своей оно было исторического характера, в центре внимания оказываются произведения, посвященные истории и даже точнее — русской истории. Эта литература, предлагая некие концепции и интерпретации русской истории, в конечном счете способствовала формированию этнокультурной идентичности народа/нации. С конца XVII в. это понятие стало относительно широко употребляться в произведениях и других жанров и направлений, но исследование его судьбы в разных текстах XVIII–XIX вв., особенно вкупе с параллельным понятием «славянорусский язык» — это, разумеется, задача не одной статьи, пока только «поднимающей» тему.

* * *

Как известно, в древнерусской литературе «архетипическим» текстом по славянской теме было введение к «Повести временных лет». О «словенах» как общности, из которой вышли разные славянские народности, и о новгородских «словенах» как одной из этих народностей уже сама «Повесть» говорила как о более или менее давнем прошлом. Актуальной мыслилась только связь народов, которые использовали «словенский» язык (церковнославянский) как язык письменности, богослужения и культуры. Позднее только об этой связи изредка и вспоминали на Руси, но, в целом, единство славян в литературе не осознавалось и не артикулировалось. Актуализация общеславянского прошлого, сознание связи славянских народов в настоящем пришли в Восточную Европу уже в раннее Новое время под влиянием польской историографии, которая, отчасти вслед за чешской, отчасти вместе с южнославянской историографией, стала обсуждать «славянскую тему» [см.: Первольф 1888].

Наибольшее значение для Восточной Европы имела «Хроника» Мачея (Матвея) Стрыйковского, опубликованная в 1582 г. Стрыйковский работал по заказу магнатов Великого княжества Литовского, и его «Хроника», хотя написана по-польски и в русле польской хронографии XVI в., посвящена, прежде всего, истории литовского и русского народов и лишена «полоноцентризма», свойственного трудам польских историков той эпохи (Длугоша, Кромера, Бельских и др.). В то же время ее отличал повышенный интерес к истории руси, и, как известно, Стрыйковский широко использовал древнерусские летописи и другие источники [Рогов 1966: 35–258]. Более того, Стрыйковский считал

именно русь древнейшим из славянских народов, а территорию, занятую ею в его эпоху, — первоначальной, откуда распространились эти народы. Прародителем славян он полагал легендарного библейского Мосоха-Мешеа, считая его эпонимом для современных ему «москвитов» [Мыльников 1996: 21–45; Kohut 2010].

Насколько этногенетические построения Стрыйковского (довольно сложные и путаные), а также собственно историческое изложение имели актуальное политическое значение и насколько они позволяют считать его хотя бы в какой-то мере «русско- или москвофилом», можно спорить [Карнаухов 2009: 161–164; Ерусалимский 2014]. В данном случае важно лишь отметить, что именно в «Хронике» впервые в средневековой литературе понятия *русский* и *славянский* максимально сближаются, выступая в части, посвященной древнейшей истории, фактически синонимами. В начале 4-й книги «Хроники», где как раз излагается происхождение народа руси в связи со славянским этногенезом, несколько раз встречаются такие выражения: «история русского народа издревле славного, может быть, древнейшего источника славянских всех земель и народов (Ruskiego narodu starożytnie sławnego a snać nadawniejszego źródła Sławańskich wszystkich ziem, i narodów)», «происхождение славянских русских народов (wywody Sławańskich Ruskich narodów)», «русские народы славянского языка (narody [...] Ruskie [...] sławańskiego języka)» и т. п. [Strykowski 1846: 89, 91–92]. В сущности, речь идет о славянской общности, определяемой через общее происхождение и через ее «головную» часть — русский народ или, как характерно выражается еще Стрыйковский, во множественном числе: «русские народы» (выдавая неоднородность всех тех, кто идентифицировал себя с русью).

Конечно, не надо думать, что это некий панславизм, замешанный на признании «ведущей роли» «братского» русского народа. Для Стрыйковского это были лишь ученые эрудитские упражнения, находившиеся более или менее на периферии его нарратива, и, перемещая акцент на русь (по сравнению со своими предшественниками польскими историками), он стремился не столько к ее прославлению, сколько к тому, чтобы противопоставить ее полякам и лишить их первенствующей роли в этногенезе центрально-восточноевропейских народов. Характерно, что народом-прародителем всех славян Стрыйковский называл и сарматов, дезавуируя тем самым известную «сарматскую теорию» польских историков. Каких-либо общеславянских мотивов и призывов, обращенных к современникам, у него нет.

Признание древности «русского народа» и важной роли его в кругу соседних народов обеспечили исключительную популярность «Хроники» среди интеллектуалов как руси Речи Посполитой, так и руси

московской [Рогов 1966: 259–306]. Под влиянием Стрыйковского в исторических сочинениях XVII в., созданных на Украине и в России, звучала и мысль о прямой связи или даже тождественности руси и славян, хотя интерпретироваться эта мысль могла по-разному. Показательны в этом плане два сочинения, порожденные полемикой, разразившейся на Украине после Унии 1596 г. Оба вышли из одного круга киевских книжников, работавших в 1620–30-е гг., — «Палинодия» Захарии Копыстенского и анонимная Густынская летопись.

Захария Копыстенский писал «Палинодию» как полемический ответ на сочинение униатского писателя Льва Кревзы, оправдывавшего Унию (Кревза опубликовал свою работу в 1617 г., Копыстенский писал ответ, видимо, вплоть до 1624 г.; труд остался неопубликованным, но разошелся в списках). Основной тезис Копыстенского состоит в том, что русь изначально приняла христианство от греков и состояла в подчинении Константинопольского патриархата легитимно во всех отношениях — согласно и божественному Промыслу, и каноническим установлениям, и нормам политическим, и праву «уживаня и держаня».

Рассуждения Копыстенского построены вокруг идеала единой Церкви и оправдания восточного православия, и в них история «народа русского» не должна была бы иметь большого значения. Тем показательнее, что он уделяет этой истории все-таки довольно значительное место, представляя русь народом богоизбранным, который самим Провидением был приобщен к христианству в несколько этапов от самой древности, еще с проповеди апостольской, и окончательно при Владимире Святом. Отталкиваясь от церковно-конфессиональной проблематики, в последних «артикулах» своего сочинения Копыстенский пытается доказать, что право и способность «русского народа» хранить истинную и единую Церковь подтверждается древностью, постоянством и непрерывностью его истории. В таком повороте нельзя не увидеть влияния современной Копыстенскому польско-латинской литературы, в том числе исторических сочинений, ориентированных на этногенетические поиски «корней» и «истоков». Сам автор прямо ссылаясь на эти сочинения, прежде всего на «Хронику» Стрыйковского, утверждая, что «россы» тождественны древним роксоланам и сарматам, причем Сарматия была выделена им как место обитания непосредственно Иафетом, их первопредком [Копыстенский 1878: 1103].

От Стрыйковского Копыстенский воспринимает и идею славянской общности, хотя интерпретирует ее по-своему. Понимая древний «яфеторосский народ» как объединение всех славян, он не только прославляет их «валечность» и «славную рицерскую дѣлность» (от какой «славы» он производит и имя *славяне*), но также утверждает, что они

когда-то были едины в вере. Он специально аргументирует тезис, что Кирилл и Мефодий крестили именно всех славян, включая даже «ляхов» [Копыстенский 1878: 986–999; 1101–1106]. Этот момент был, так сказать, апогеем в истории «народа яфеторосского славенского» (так однажды выражается ученый [Копыстенский 1878: 1103]). В дальнейшем те или иные части этого целого стали отпадать от Константинопольского патриархата в «латинскую ересь». После Брестской Унии, расколовшей уже и русь, Копыстенский ожидал Конца света (и даже указывал на 1666 г. как возможную дату), когда спасутся только те, кто остался верен Восточной церкви: Бог «помилует улюбленного ему Израиля» [Копыстенский 1878: 867–888, 978–982] (ср.: [Неменский 2003: 419]).

Таким образом, в оригинальной концепции Копыстенского своеобразно сочетался средневековый провиденциализм с раннемодерными поисками национальной самобытности. Эту самобытность он оправдывал древней историей, связывая «яфеторосский народ» с родственными славянскими народами, вслед Стрыйковскому и другим историкам своего времени. Он обращался к «ляхам» как «братии», которую «одинъ народъ роксолянскій сплодилъ» [Копыстенский 1878: 606–607], и сочувственно цитировал польские тексты, вспоминающие о родстве славянских народов¹. Но в целом, рассматривая историю с точки зрения эсхатологической предопределенности, Копыстенский славянскую общность понимал скорее «как церковно-конфессиональную, духовную», как справедливо заключил О. Б. Неменский [2008: 125], а важнее всего ему было доказать необходимость религиозного единства руси, которая мыслилась им как бы ядром этой общности.

В такой концепции понятие «славянороссийского народа» вроде бы напрашивается, но не является необходимым, и оно так и не появляется на страницах «Палинодии». Тем не менее именно Захария Копыстенский был, видимо, все-таки первым, кто употребил это понятие, — правда, не в «Палинодии», а в одном более или менее частном и проходном произведении. В 1624 г. в Киево-Печерской Лавре вышел перевод с греческого «Бесед на Деяния апостолов» Иоанна Златоуста, и «Предъсловие» к этой книге написал Копыстенский. Здесь он, рассуждая о важности публикации книги «в России»/для «россов», в одном месте вдруг, довольно неожиданно, пишет: этим изданием «Духъ Святыи утѣши паки народъ славенороссийскій» [Иоанн Златоуст 1624: 11].

¹ Копыстенский, например, перевел с польского на русский и полностью привел в «Палинодии» сочинение Яна Гербурта Щенского «Zdanie o narodzie ruskiem» (1611 или 1613 г.), где тот защищает русь, исходя из того, что в семье славянских народов (их Гербурт насчитывал 18) должно быть равноправие [Копыстенский 1878: 956–964].

По контексту «народ славенороссийский» тождественен неоднократно упомянутым здесь же «россам» и «православному народу». Что именно заставило Копыстенского прибегнуть к этому выражению в издании 1624 г., не вполне понятно, но, в принципе, логика его размышлений в «Палинодии», над которой он как раз закончил или заканчивал работать в тот год, естественно вела к появлению «славяноороссийского народа» как некоей «воображаемой общности» на его историко-географической «ментальной карте».

Так или иначе, при первом своем появлении понятие «славяноороссийский народ» не стало ключевым в концептуальных исторических построениях. Очевидно, оно только постепенно входило в употребление. Не случайно, например, что его нет в Густынской летописи, написанной в конце 1620-х — начале 1630-х гг., видимо, в том же кругу киевских православных интеллектуалов, которому принадлежал З. Копыстенский (см. о памятнике, в частности о датировке, в предисловии к последней публикации [Hustynja 2013: XLVII–XLVIII]). Правда, в заглавии летописи по одному из списков фигурирует «славенский русский народ»: «Кройника, которая начинается от потоу первого мира и столпотворения, и раздѣления языкъ, и разсъѣяния по въсей вселеннѣй, и о розъныхъ народахъ, таже и о початку славенъскаго российского народу, и егда съде Киевъ...» и т. д. [ПСРЛ, 40: 7]. Но, судя по всему, это заглавие было дано при создании одного конкретного списка в 1670 г. В оригинальном же тексте понятия *славянский* и *русский/росский* не сливаются в композит, хотя в начальной части летописи, где речь идет о происхождении народа, они используются фактически как синонимы, и поэтому взаимозаменяемы. Ср., например: «приходитъ уже лѣто благоприятно и день спасения нашему словенскому народу, в не же (то есть в день — П. С.) доселѣ во тмѣ невѣдения блудящая Россия свѣтом истинны просвѣщенна бысть...» (наш словенский народ=Россия); «третее крестишася словяне, си есть наша русь...» (словяне=наша русь); и т.п. [ПСРЛ, 40: 39, 41; Hustynja 2013: 98, 102].

Вне сомнения, и в таком словоупотреблении, и в самом отождествлении понятий *славяне* и *русь* применительно к древней истории сказывалось влияние Стрыйковского, «Хроника» которого была одним из главных источников начальной части Густынской летописи. Однако наиболее авторитетным для летописца был все же «Нестор» (то есть «Повесть временных лет»), из которого он взял идею, что имя *русь* присвоила только часть славян уже после «призвания варягов». Противоречия, которые получались в результате совмещения концепции «Повести» и построений ренессансной историографии, автора Густынской летописи, видимо, не очень смущали. Он часто приводил разные

мнения, почерпнутые из своих источников, не пытаюсь их примирить и навязать собственное суждение (или даже отказываясь от него).

В конечном счете, для летописца была важна, видимо, сама принадлежность руси к более широкой общности славян, которую можно было возводить (и генеалогически, и географически) к глубокой древности. В таком ключе, на мой взгляд, надо понимать высказывания летописца об общих для всех славян языке и происхождении. В одном месте, заключая обзор мнений о первопредке славян и руси и не решаясь судить, кто именно им был, он пишет: «Но якоже колвекъ (как бы то ни было — П. С.), се намъ извѣстно есть, яко всѣ народы славенский единого отца сынове, понеже единогласие языка показуеъ ихъ быти единымъ народомъ» [ПСРЛ, 40: 13; Hustynja 2013: 23]. В другом месте, задаваясь вопросом, «откуда и в кая лѣта и чесо ради наш славенский народъ наречеса русю», он вполне допускает, что наименования народа могли быть разные: «да вѣси, яко сей народ словенский или русский от своего начала даже доселѣ не единого нарицашеся, но различными имени по временех: иногда от мѣстѣ и странѣ, на них же пришедше селяхуся, иногда от народов, к нимъ же прихождаху, иногда от храбрыхъ вожжей своихъ, и проч.». Главное, по его мнению, что в итоге люди сплочены «одной кровью», а сегодня их можно распознать под именем *русь*: «Но обаче аще и разѣличие есть во именовании волостямъ, но вѣстно есть вѣсѣмъ, яко сии всѣ единокровни и единораслни себѣ суть, и нынѣ всѣ обще единым именемъ русь нарицаются» [ПСРЛ, 40: 27; Hustynja 2013: 63].

Таким образом, в Густынской летописи, как и в «Палинодии» (которую автор летописи знал и в других местах использовал), весьма значительно присутствие древнерусской историко-литературной традиции. Но летопись заимствует из этой традиции не эсхатологические схемы, а идею исторической преемственности руси от некоей (пра-) общности славянских народов. «Прививка» этногенетических построений ренессансной историографии к этой идее ведет к тому, что гораздо акцентированнее становится тезис об общем, причем весьма древнем (не младше других народов!), происхождении славянских народов и их языковом единстве, которое мыслится актуальным и в настоящий момент. Но в конечном итоге этот тезис работает не в пользу некоей общеславянской программы (никаких намеков на это в летописи нет), а скорее для того, чтобы представить саму русь более сплоченной и единой — помимо религиозной общности (православия) ее должно было объединить сознание генетической и лингвистической общности на основе «словенских» истоков. В этом плане летопись схожа с «Палинодией», автор которой о славянских корнях и народах вспоминает, в сущности, только для того, чтобы яснее очертить судьбу богоизбран-

ного «росского народа». Правда, надо отметить, что сознание единства руси гораздо яснее и выразительнее представлено у Захарии Копыстенского, который постоянно и однозначно подчеркивает общность Малой и Великой России (называя их вместе «(на)родом нашим российским»). В Густынской летописи о «росском народе» как общности всей руси в Восточной Европе говорится в начальной части, а к концу — в известиях за XVI в. (в которых выделяются рассказы о происхождении украинских казаков и Унии 1596 г.) — о «Москве» и «нашей земле Русской» (т. е. областей, населенных русью, в Речи Посполитой) говорится раздельно (см., например: [ПСРЛ, 40: 148]).

В целом, в «Палинодии» и Густынской летописи тенденция использовать идею славянского единства, заимствованную из польской ренессансной историографии, для конструирования истории и идентичности «росского народа» просматривается достаточно отчетливо. После эпохи, вместившей казацкие восстания, присоединение Украины к России, реформы Петра Могилы и другие события, эта тенденция получает дальнейшее развитие в «Синописе» — вероятно, важнейшем историческом произведении на церковно-славянском языке XVII в., первой печатной книге по русской истории. Именно здесь понятие «славяно-российский народ» становится по-настоящему концептуальным, и не случайно, что на него обращают внимание современные исследователи.

* * *

«Синописис» вышел в типографии Киево-Печерского монастыря в 1674 г. 1-м изданием, в 1681 г. (на титульной странице стоял 1680 г.) там же вышло уже 3-е, дополненное, прежде всего, обширными рассказами о Куликовской битве и Чигиринских походах. Последующие издания выходили в России в XVIII в., а в XIX в. снова в Киеве (всего около 30 переизданий), что говорит о большой популярности сочинения. Неизвестно, кто был его автор (или авторы), но без одобрения тогдашнего настоятеля монастыря Иннокентия Гизеля издание не могло состояться.

«Славянороссийский народ» появляется уже в заглавии книги. Полное заглавие 1-го издания выглядит так: «ΣΥΝΟΠΣΙΣ, или Краткое Собрание от Разных Лѣтописцев, о Началѣ Славяно-Российскаго Народа, и Первоначальных Кн[я]зей Б[о]госпасаемаго Града Киева, **о Житии С[вя]т[а]го Бл[а]говѣрнаго Великаго Кн[я]зя Киевскаг[о] и всея России первѣйшаг[о] Самодержца Владимира, и о Наслѣдниках Бл[а]гочестивыя Державы его Российския, даже до Пресвѣтлаго и Бл[а]гочестиваг[о] Г[о]с[уд]д[а]ря н[а]шего Ц[а]ря, и Великаг[о] Кн[я]зя Алексия Михайловича Всея Великия, Малыя, и Бѣлыя России Самодержца» [Синописис 1674: титул]. Заглавие, в общем,**

адекватно отражает содержание труда: в начале в нем говорилось о происхождении народа, затем (в основном, по хронологии правлений князей) о «державе российской», — причем особое внимание уделялось судьбе Киева как главного русского города, — а современное авторам время правления царя Алексея Михайловича мыслилось как возрождение «благочестивой державы» эпохи Владимира Святого и обновление «царствующего» статуса Киева.

О «славянорусском народе» речь шла в начальной части, где авторы излагали его этногенез, опираясь на «Хронику» Стрыйковского (преимущественно) и Густынскую летопись (отчасти), но существенно сокращая и схематизируя их рассуждения (об источниках «Синописа» см.: [Пештич 1958: 287–292]). В третьем издании кое-что было добавлено, в частности, отдельная глава «О свободе или вольности славенской», взятая из «Палинодии» З. Копыстенского [Ерёмин 1954: 217], и эта часть текста составила около 10 глав (из более чем 100). А. П. Толочко обратил внимание на сходство некоторых пассажей, восходящих к «Хронике» Стрыйковскому, не с самим ее польским оригиналом, а с украинским переводом, сделанным в начале XVII в. и затем использованным в так называемом Украинском Хронографе редакции 1630-е гг. [Толочко 1996]. В некоторых списках этого Хронографа древнерусская часть нарратива фигурирует под названием «Кройника славяноруская о панствах русских, польских и литовских» [Мыцык 1978: 32–35]. Возможно, это название оказало влияние на терминологию «Синописа», который пользовался Хронографом, а возможно, в названиях и Хронографа, и «Синописа» отразился термин, уже со времен З. Копыстенского бывший в ходу в Киеве.

Так или иначе, под пером автора «Синописа» «славянорусский народ» предстает общностью, непосредственно предшествующей «россам» и как бы соединяющей их с древними славянами (которых автор, следуя, в общем, своим источникам, производит от разных сыновей Иафета, в том числе Мосоха, и отождествляет с сарматами и роксоланами). В главе «О народѣ руском ...» автор поясняет: «рускии или паче российскии народы тыижде суть славяне: единаго бо ест(е)с(т)ва, отца своего Афета, и тогожде языка». Название «россы» происходит от «россеяния», то есть распространения народа «по многим различным странам»; и они, россы, заключает автор, «от славянов именем точию разнствуют, по роду же своему едино суть, и яко единъ и тоижде народъ славенский нарицается славено-российский или славнорусийский» [Синопис 1674: 7–8]. Фактически автор предполагал для «славянорусского народа» какое-то промежуточное или двойственное существование. Как справедливо заключил Л. Штайндорфф, специально

рассмотревший начальную часть «Синописиса», это понятие имело здесь «разные толкования: в зависимости от контекста это либо всеславянская общность, либо только Москва и Русь (Русь в смысле Рутения²)» [Штайндорфф 2018: 324–325].

К этому выводу надо только добавить, что о «всеславянской общности» практически никаких конкретных сведений автор «Синописиса» не приводил и она явно не интересовала его. Он даже как следует не перечислил славянские народы и тем более не сделал ни малейшей попытки спроецировать на них древнее единство славян. Вся его книга, на самом деле, о «российском народе», который, начиная с рассказа о Кие, Щеке и Хориве и «призвании варягов», и является главным героем повествования. Понятие «славяноросийского народа» оказывается, таким образом, скорее инструментальным: оно служит для того, чтобы удревнить историю «россов», сделав их библейским народом, автохтонным в «Сарматии», т. е. Восточной Европе. Такое удревнение позволяет, в частности, упростить процесс приобщения народа к христианству и обретения им «письмен»: христианизацию можно начать с апостола Андрея, а начало письменности отнести к 790 г., когда некий греческий царь «послал славяном» «литери, сиречь словеса азбучная». И в том, и в другом случае, хотя сначала автор говорит о «славянах», в заключении соответствующих пассажей уже как бы само собой получается, что и религию, и письменность обрел «славянорусский народ» или попросту «Россия» [Синописис 1674: 18–19, 66]. При этом он кичливо отмечает, что «поляков писмены и историями славянорусский народ упреди» на много лет [Синописис 1674: 19], как будто забывая, что поляки — тоже славяне. Разумеется, в этом замечании сказывалось, в целом, «более чем сдержанное отношение к шляхетской Польше», по выражению И. П. Ерёмкина [1954: 219].

В литературе уже отмечались своеобразные неточность и расплывчатость «этнической» терминологии автора «Синописиса». Помимо «славянорусского» и «росского» народов он знает еще «православно-российский народ» — эту общность составляют его читатели-современники. Кроме того, он нередко пишет о «славянорусских» и «росских» «народах» во множественном числе — очевидно, имея в виду, что люди, к которым можно было применить «базовое» понятие руси («россов»), в реальности были неоднородны в этноисторическом и этнокультурном отношении. О сознании такой неоднородности говорит, например, эпизодическое употребление слова *москва* в смысле некоей общности людей, вроде бы и самостоятельной, но в то же время входящей в супраобозначение «российский народ» [Степанов 2020: 150–156].

² Автор имеет в виду русь в составе Речи Посполитой.

Эти наблюдения заставляют считать и понятие «славяноросс(ийс)кий народ» не точным термином, а неким наименованием *ad hoc*, отражающем не выверенность, а наоборот неразработанность терминологии, пытающей определить реальность, для которой еще нет устоявшихся обозначений. Из какой идеологической перспективы или парадигмы осуществлялся этот поиск дефиниций?

Общая концепция «Синописа» вырисовывается довольно ясно. Она была уже более или менее определена в специальной литературе, посвященной этому произведению. В свое время И. П. Ерёмин и С. Л. Пештич писали, что «центральной мыслью» (Ерёмин) или «темой» (Пештич) «Синописа» было доказательство изначального «родства» «российского народа» (или «российских народов») и преемственности «самодержавия» в этом народе от «киевских князей» до современных автору царей «всёя Великия, Малыя и Белья Руси» [Ерёмин 1954: 214; Пештич 1958: 290, 296, 298].

Из высказываний исследователей надо исключить, конечно, анахроничную терминологию. И И. П. Ерёмин, и С. Л. Пештич делали акцент на обосновании в «Синописе» «воссоединения» «русского» и «украинского» народов, — между тем, эти термины ни в каких изданиях книги не фигурируют, и лишь пару раз встречаются слова *малороссийский* и *великороссийский* [Степанов 2020: 160–162]. Дело всего-навсего в том, что обе статьи были подготовлены в связи с празднованием «воссоединения» Украины и России, приуроченного к 300-летию Переяславской Рады, в СССР в 1954 г. Кроме того, к их выводам надо добавить, что важнейшим фактором единства «российского народа» для «Синописа» было православие, и совсем не случайно, что в книге уделялось особое внимание князю Владимиру Святому и крещению Руси³.

С этими поправками общую концепцию «Синописа» следует определить так: «российский народ» (или «росские народы») был и остается един «естественно» с древних («славянских») времен, в эпоху «киевских князей» его объединили самодержавие и православие, а политическое разобщение его, случившееся вследствие «татарского ига», усиления литовских князей и польских королей, устраняется теперь принятием власти «благоверного государя нашего» царя «всёя Великия, Малыя и Белья Руси самодержца» (который, как показывалось добавлением рассказа о чигиринских походах в издании 1680/1681 г., был способен защитить «православнороссийский народ» от турок), — и эту власть надо, естественно, приветствовать и всячески поддерживать.

³ Об этом Ерёмин и Пештич умолчали, видимо, тоже в силу внешних обстоятельств, потому что указание на «православную тенденцию» «Синописа», как выражался П. Н. Миллюков [1898: 17, ср. 13–15], уже стало общим местом в ученых работах конца XIX — начала XX в., касавшихся этого сочинения (об этом верно пишут в предисловии к переизданию «Синописа»: [Синопис 2006: 32–37]).

В этой концепции более или менее ясно было, что такое самодержавие и православие. Но вот утверждение о родстве «естественно» некоего «(славяно)российского народа» — это была относительно новая мысль. В первых двух тезисах автор книги мог уже опереться на разработанную традицию мысли: о единстве руси/России в православии и под властью московских князей, возводивших свою генеалогию к первым русским князьям, писали и московские книжники XV–XVII вв. И. П. Ерёмин справедливо замечал: «Новостью в “Синописе” явилась попытка обосновать» «преемственность власти киевских князей московскими великими князьями и царями» «не только генеалогическими данными, родословием царей и великих князей московских, но и идеей кровного родства народов “Великой”, “Малой” и “Белой” России, теорией единства “славенороссийского” народа» [Ерёмин 1954: 216].

Предлагая эту инновацию, автор «Синописа» сталкивался с трудностями двоякого рода. С одной стороны, он не мог не понимать, что этническое (как мы бы сказали сегодня) «родство» «российского народа», на котором он настаивал, было в значительной степени фиктивным или «воображаемым». Население украинских и московских земель, хотя и идентифицировало себя как *русь*, имело еще и разнообразные локальные идентичности, использовало разные эндо- и экзообозначения, придерживалось разных исторических и культурных традиций, наконец, имело опыт, мягко говоря, небезоблачного сосуществования в разных политических образованиях — Речи Посполитой и Московском государстве. С другой стороны, задавшись вопросом о происхождении этого «родства», автор книги не мог удовлетвориться построениями «Повести временных лет», хотя и утверждавшей связь руси со славянским этногенезом, производившей ее истоки все-таки от неких «заморских» варяг. Отказ от провиденциально-эсхатологических схем древнерусской литературы (будь то «Повесть», будь то «Палинодия») заставлял обращаться к этногенетическим конструкциям польско-латинской ренессансной историографии. Это обращение могло быть облегчено уже имевшимся опытом киевской литературы 1620–30-х гг., но все равно от автора «Синописа» требовалось создать свою схему этногенеза, адаптированную к его общей концепции.

Более последовательное и идейно-направленное, чем в «Палинодии» и Густынской летописи, применение «западной» историографии к сложной, противоречивой и меняющейся буквально на глазах политической и культурно-религиозной реальности в Киеве или, шире, на украинских землях в 1670–80-х гг. и привели к появлению «славенороссийского народа». Это выражение имело такую же вспомогательно-разъясняющую функцию, как и, например, «православнороссийский». Оба

выражения должны были лишь способствовать пониманию понятия «российский народ», главного в нарративе «Синописа». Присоединение элемента «славяно-» к слову «российский» отражало не склонность автора к тем или иным «панславистским» идеям, бытовавшим в ренессансной историографии центральной и южной Европы (такие оценки встречаются: например, И. В. Жиленко называет автора «Синописа» «православным панславистом» [Жиленко 2002: 16]). Смысл его был в том, чтобы удревнить и сделать «исторически конкурентоспособным» «свой» народ в сравнении с другими на европейской арене и в контексте европейской ученой историографии, в ту эпоху весьма озабоченной поисками «национальных» корней [Доронин 2018]. Важна была, конечно, еще и отсылка к общности народов, использовавших «словенский», то есть церковнославянский, язык. В этом языке *Slavia orthodoxa* логично было видеть фактор единства «российского народа», то есть православной руси в Москве и на Украине. Неслучайно и автор Густынской летописи писал о «единогласии языка», и «Синописис» отмечал, что весь «славянороссийский народ» «тогожде языка».

Несмотря на неточную терминологию и не вполне последовательный исторический нарратив (с явным провалом в эпохе XVI — первой половины XVII в.), именно благодаря по-новому сформулированной концепции этнического, политического и религиозного единства России «Синописис» получил такую популярность. Для петровской эпохи немаловажным обстоятельством оказалось то, что «Синописис» рассматривал русскую историю совершенно вне религиозно-провиденциалистских схем и патриотически возвеличивал успехи «российских» правителей во все исторические периоды (об этой черте «Синописа» см.: [Пештич 1958: 294–295]).

Вместе с широким распространением и частым цитированием «Синописа» в России в конце XVII в. стали писать и о «славяноросс(ийс)ком народе». Это понятие не игнорировали, а точно передавали в цитатах, и оно могло переходить уже и в собственные высказывания тех или иных авторов. Например, одно из ранних заимствований из «Синописа» в московскую историческую литературу с прямым указанием источника находим в так называемом «патриаршем своде 1670-х гг.» — обширной исторической компиляции, составленной при патриархе Иоакиме. Автор свода делает «выписи» «из Ыстории киевской печатной книги о словенорусском началѣ» [*Виѳ. 34.1*: л. 69] — очевидно, из «Синописа», — и для него уже вполне естественно самому писать о древнем «словенорусском языке» (здесь «язык» в смысле «народ») [*Виѳ. 34.1*: л. 65об.].

Почему так легко было воспринято «инновационное» понятие «Синописа» в России? На мой взгляд, ответить на этот вопрос можно,

если принять во внимание, что главная мысль о тождественности славян и руси, лежавшая, собственно, в основе понятия, была знакома московским книжникам конца XVII в. и могла восприниматься как более или менее естественная. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств.

Во-первых, в Москве XVII в. уже ходили переводы хроник М. Бельского и М. Стрыйковского как на украинно-белорусский вариант церковнославянского, так и на русский (выполненные, соответственно, в Речи Посполитой и в Московском государстве). Хронику Бельского перевели, видимо, раньше, причем как отдельное сочинение бытовал перевод двух ее глав, посвященных происхождению славян, — «О росзѣtku narodu polskiego» и «O słowianach» [Рогов 1966: 273; Николаев 2008: 39–40]. Это сочинение, кстати, было использовано и в вышеупомянутом «патриаршем своде 1670-х гг.» [Ви́ф. 34.1: л. 65об.–67 об.].

В 1660–80-е гг. в Москве сделали целых четыре перевода Хроники Стрыйковского [Рогов 1966: 269–272]. А именно у Стрыйковского, как говорилось выше, русь представляла древнейшей частью славянства, и понятия *русский* и *славянский* сближались до неразличимости (хотя у него синонимами выступали и другие слова — *сарматский*, *московский*). Эта тенденция Хроники очень хорошо осознавалась русскими. Так, еще в конце 1650-х гг., когда в связи с учреждением Записного приказа встал вопрос об использовании польских хроник для составления истории России, дьяк приказа Тимофей Кудрявцев писал в челобитной царю, прямо упоминая Стрыйковского и, очевидно, вслед за ним ставя эти понятия в один синонимический ряд: «...не укажет ли он, великий г(о)с(у)д(а)рь, поискати о началѣ великославнаго сарматского славенского руского народов и московского старовѣчнѣстю славнѣ цвѣтуща имянования... А в Кронике полской Матвѣя Стрыйковского чаят написано о сарматском славянскомъ и русском народѣхъ и о московском старовѣчномъ имяновании к славѣ» (цит. по: [Белокуров 1902: 72]).

Во-вторых, в Москве не раз должны были слышать идею славянского единства в контексте призывов к объединению русских с другими славянами ради достижения некоторых целей актуальной международной политики. Идея эта звучала, прежде всего, в дипломатических переговорах с представителями тех стран, в которых историография и пропаганда разрабатывали «панславистскую» тематику (главным образом, Польши и южнославянских стран). Один из самых ярких эпизодов таких призывов — это речь известного деятеля украинской истории Адама Киселя, который прибыл во главе официального посольства Речи Посполитой в Москву в 1647 г. и, ратуя за объединение усилий Москвы и Варшавы против Порты, вспоминал «храбрость и мужество

словенских, а потом различными имьяны названных, предков наших» [Sysyn 1993: 141]. В 1667 г. уже представитель России А. Л. Ордин-Нащокин рассуждал о «соединении» всех народов, говорящих на едином «славянском наречии», перед послами из Польши, прибывшими в Москву для ратификации Андрусовского договора [Исторический рассказ 1991: 335].

Наиболее известным проповедником славянской идеи в России XVII в. был хорватский ученый монах Юрий Крижанич, впервые прибывший в Россию с тем же посольством А. Киселя 1647 г., но проведший долгие годы в России уже позже, в 1660–1670-е гг. Хотя он, по-видимому, не был знаком с «Хроникой» Стрыйковского, но тоже видел в руси/России исторический корень всего славянства. Впрочем, его исторические взгляды, политические и религиозные идеалы, а также лингвистические труды, выросшие из очень своеобразной и глубокой интерпретации славянского единства, выделялись большой оригинальностью на фоне всей южнославянской и польской литературы [Гольдберг 1963; Golub 1986]. Произведения Крижанича, написанные на придуманном им общеславянском языке (который некоторые слависты теперь называют «крижаникой»), не получили сколько-нибудь широкого распространения, но в среде московских приказных книжников конца XVII в. о них или, по крайней мере, о главных идеях, в них высказанных, видимо, все-таки знали.

Наконец, в-третьих, в России в 20-е или начале 30-х гг. XVII в., то есть примерно в одно время с появлением «Палинодии» и Густынской летописи, было создано произведение, которое тоже предлагало новые для древнерусской литературы этногенетические схемы, возводившие русский народ непосредственно к некоей славянской праобщности, выдающейся в ряду потомков Иафета и освоившей Восточную Европу с древнейших (библейских) времен. Это — «Сказание о Словене и Русе» (условное название; в рукописной традиции текст бытовал под разными названиями), фантастический рассказ об истории древних славян, часть которых под предводительством неких Словена и Руса (эпонимов-прародителей) заселили область вокруг озера Ильмень и реки Волхова и основали Новгород [Буланин, Турилов 1998; Сиренов 2018: 67–70]. Автор, с одной стороны, явно отталкивался от каких-то новгородских преданий и сказаний с топонимическими объяснениями, а с другой — опирался на известную легенду о Чехе, Лехе и Русе и польские хроники.

Цель «Сказания» была в том, чтобы «встроить» в общеславянский контекст историю Руси и Новгорода и показать ее древность и независимость от каких-либо внешних влияний и миграций: русь — это

славянское население Восточной Европы, обосновавшееся здесь задолго до всяких варягов, у руси издавна были свои «русские владетели» (в частности, мудрый Гостомysl), они получили подтверждение на власть от Александра Македонского и т. д. [Гольдберг 1982]. В этом смысле «Сказание», применяя обозначенные выше подходы ренессансной историографии, вполне соответствовало этногенетическим построениям Густынской летописи и развивавшего ее «Синописа».

Самое интересное, однако, даже не в общем соответствии исторических поисков киевских книжников и некоего безвестного новгородца в 1620–30-е гг. (который никак не выдает знакомства с украинской литературой), а в том, что в его произведении было употреблено слово *славянорусский* применительно к людям, то есть в том смысле, который соответствовал «изобретению» З. Копыстенского. К сожалению, текстологического исследования «Сказания» и научной публикации, учитывающей сохранившиеся его списки (весьма многочисленные), до сих пор нет, и оригинал этого произведения не реконструирован. Но те древнейшие списки, которые введены в научный оборот, свидетельствует, что, по крайней мере, в одном случае это слово было употреблено в указанном смысле: после цитирования известной «грамоты Александра Македонского славянам» (о ней см.: [Мыльников 1996: 46–94]) автор сообщает, что ее оригинал держали у себя «князи словенорустие», потомки Словена и Руса. Списки, которые дают такое чтение, происходят из хронографической традиции (куда «Сказание» попало не позднее 1650 г.) и из Патриаршего летописного свода 1652 г.⁴

Чтение «князи словенорустие» дает и еще один древний список «Сказания»: в одном историко-литературном сборнике, составленном на севере России в 1642 г. [*Увар. 533 (1819)*: л. 193об.–201об.]. Нельзя сказать, что текст «Сказания» здесь передан в некоей особой редакции, но отдельные чтения здесь отличаются от «хронографическо-летописного» вида. В частности, здесь есть и другие места, где употребляется слово «словенорусский»: в самом начале — в заглавии «Написание о зачалѣ в Словенорустей земли первоначальнаго великого Новаграда» (л. 193об), — а затем в конце, где речь идет о призвании Рюрика: «...и поиде Рюрик на Словенорус(ь)...» (л. 201об.). В ряду других известных мне списков «Сказания» эти чтения уникальны. Но вне зависимости от текстологической истории «Сказания» они говорят о том, что, по крайней мере, в 1640-х гг. в России достаточно свободно оперировали понятием

⁴ См. соответствующее место, например, в древнейших списках Хронографа Пахомия и в одном из двух древнейших списков Свода [*F.IV.600*: л. 540; *Эрм. 565*: л. 436об.; *Больш. 423*: л. 4об.]. Ср. в публикации этого вида «Сказания» в составе Никаноровской летописи: [ПСРЛ, 27: 140].

«словенорусский» и могли прилагать его не только к языку-наречию, но и к людям, и к территории.

Вместе с тем, именно о *народе* «словенороссийском» речь в «Сказании» все-таки не шла. На мой взгляд, причина была в том, что основной интерес автора «Сказания» лежал в истории, он хотел, прежде всего, показать древность словен/руси и их автохтонность на русском Севере. Доказывать их единство и связь с какими-то другими частями современной ему руси он не стремился. Такую задачу поставили только киевские писатели. Сама постановка задачи привела их к разговору о *народе*, и в создании нового понятия, отсылавшего к этнической общности, было их «изобретение традиции», если пользоваться термином Э. Хобсбаума.

* * *

Таким образом, понятие «славяноросс(ийс)кий народ» очень быстро и естественно вошло в ученый дискурс московской книжности. В конце XVII — начале XVIII в. его использовали как само собой разумеющееся и тогда, когда прямо цитировали «Синописис», как, например, в Мазуринском летописце [ПСРЛ, 31: 11–28, 47], или более поздней «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» [Подробная летопись 1798: 1–30]. И тогда, когда обращение к «Синописису» можно только более или менее уверенно предполагать, как, например, в сочинении Тимофея Каменевича-Рвовского «Историческое и древнее описание и сказание о начале родов московского рода и славенороссийского превеликого народа, и о преименовании их...» и т. д. [Гиляров 1878: 25]. Часто (как во всех трех названных случаях) сведения из «Синописиса» в том или ином порядке или выборочно сочетались с данными, почерпнутыми из «Сказания о Словене и Русе» (как, впрочем, и из других источников).

В то же время сфера употребления этого понятия ограничена, насколько я могу судить, собственно исторической литературой. В политический дискурс предпетровской и петровской эпохи оно не вошло, хотя известно, что уже с конца XVII в. московские дипломаты использовали «Синописис» в дипломатических переговорах, а Петр I лично инициировал переиздания этой книги (при нем вышли два издания в 1714 и 1718 гг.), и экземпляры этих новых изданий были и у него, и у людей из его окружения [Самарин 1998: 20–76].

Характерно, например, что главный проповедник и публицист петровского времени Феофан Прокопович практически не прибегал к выражению «славянороссийский народ». Феофан знал его (ср., например, единичное употребление в «Слове похвальном о баталии Полтавской»

1717 г.: [Прокопович 1961: 50]), но «рабочими» в его дискурсе были термины «российский (на)род», «россияне» и «отечество» [Ploky 2006: 270–283]. При его непосредственном участии произошло присвоение Петру титула «император всероссийский» (и двух «величальных» «имен» — «Великий» и «Отец Отечества») [ПСЗ, 6: 444–446], в котором слово «всероссийский» несло не меньшую политическую нагрузку, чем слово «император», но имело также и очень важные исторические и этнокультурные смыслы. Хотя при Петре было переведено и издано (в 1722 г.) сочинение хорватского историка, энтузиаста славянской идеи, Мауро Орбини «Славянское царство», эта идея практически не оставила следов ни в общественной мысли, ни в историографии России того времени (ср. [Делль Агата 1990; Погосян 2001: 183–286, 394–400]).

Более того, в петровскую и послепетровскую эпоху даже в исторической литературе понятие «славянороссийский народ» постепенно отходит на задний план. Оно, например, исчезает в заглавиях переизданий «Синописа» XVIII в.: если в первом российском издании 1714 г. сохранено оригинальное название «Синоψись или Краткое собрание от различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славянороссийскаго народа...» и т. д., то в 1718 г. книга выходит под титулом «Синописись или Сокращенная история, собранная от разныхъ авторовъ», а с 1735 г. переиздается петербургской Академией наук под названием «Синоψись или Краткое описание о началѣ славенскаго народа, о первыхъ киевскихъ князѣхъ и о житии святаго благовѣрнаго и великаго князя Владимира...» и т. д. Казалось бы, в издании 1735 г. возвращено оригинальное название, но вместо «славянороссийского народа» фигурирует «славенский народ». Может быть, это исправление внесли немцы-академики Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер, работавшие в Академии в 1730-х гг., которые вряд ли понимали смысл термина «славянороссийский» (впрочем, все содержание «Синописа» осталось без изменений)⁵.

Показательно словоупотребление В. Н. Татищева в его «Истории российской» — крупнейшем и важнейшем сочинении по истории России первой половины XVIII в. Первая, довольно обширная, часть «Истории» посвящена отчасти источникам и историографии русской истории, но преимущественно этногенезу руси, и здесь вполне можно было бы ожидать появления «славянороссийского народа». Между тем, Татищев изредка (в 1-й редакции своего труда только в одном параграфе) использует лишь понятие «руссо-славяне» или «славяно-руссы». Оно характеризует у него тех древних славян, которые жили на территории Сарматии-Роксолании — будущей Руси — и стали потом, собственно,

⁵ В неакадемических киевских переизданиях «Синописа» первой половины XIX в. оригинальное название (по изданию 1680/1681 г.) возвращено.

русскими (отдельно от прочих славянских народов). Понятие носит чисто технический смысл, указывая на одну, локально ограниченную часть славянской общности. В таком же смысле он употребляет (хотя тоже редко) термин «варяги-россы», имея в виду Рюрика и его братьев [Татищев, 1: 93–96, 103, 344; Татищев, 4: 40, 44, 395, 399]. В труде Татищева, подробном и насыщенном фактографией и учеными мнениями, схематическая и упрощенная концепция общего происхождения и этнического единства («славяно)российского народа», предложенная «Синописом», просто неуместна. Ценность «Синописа» как исторического труда сам историк оценивал невысоко: «история, имянуемая Синопис» «хотя весьма кратка и многое нужное пропущено, но вместо того польских басен и недоказательных включений со избытком внесено» [Татищев, 1: 84].

Фактически единственным историком XVIII в., для которого понятие «славянороссийский народ» сохраняло некоторое значение в общей концепции русской истории, был М. В. Ломоносов. Он использовал его в возражениях Г. Ф. Миллеру (в споре по «норманнской» проблеме; 1749 г.) и в «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого» (конец 1750-х гг.). Трактатовал он это понятие примерно так же, как и Татищев: «славенороссийский народ» — это часть огромного «славянского племени»; обитая с незапамятных времен в Восточной Европе, он был известен внешним наблюдателям под именем роксолан и другими [Ломоносов, 6: 27, 174]. В отличие от «Синописа», Ломоносову было важно обозначить связь русских с другими славянскими народами, особенно балтийского региона, где Россия в середине XVIII в. имела немалые политические интересы. Отчасти по этой причине, отчасти вследствие норманнской дискуссии он делал акцент на другом этно-историческом понятии — «варяго-россы». Этим понятием он описывал тех «заморских» варягов, которые были «призваны» русью и которых он считал славянами. В «Кратком Российском летописце с родословием» (1760 г.), наиболее известном историческом произведении Ломоносова, выдержавшем несколько изданий и переведенном на иностранные языки, он уже совсем не говорил о «словенорусском народе», но настойчиво утверждал славянство «варягороссов» [Ломоносов, 6: 295–296].

Приверженность Ломоносова понятию «славянороссийский народ» надо объяснять двояким образом. С одной стороны, в патриотической интерпретации отечественной истории, которую он проповедовал, оно служило ему для доказательства этнической автохтонности и преемственности русского народа. В этом смысле он, безусловно, продолжал подход «Синописа», развивавшего, в свою очередь, ту «прививку»

этногенетических построений ренессансной польско-латинской историографии к русской истории, которую впервые осуществили «Палинодия» и Густынская летопись. Имея в виду эту преемственность, можно согласиться с тезисом, что Ломоносов, в сущности, развивал «уходящую корнями в эпоху Ренессанса идею раннемодерной этнокультурной нации» ([Доронин 2017: 393]; ср. в таком же духе о Татищеве и Ломоносове: [Verelowitch 2003: 73–79]).

С другой стороны, это понятие выступало у Ломоносова своего рода параллелью или аналогией концепции «словенорусского языка», о которой говорилось в начале статьи. Если эта концепция предполагала естественную и исторически обусловленную связь между «словенским» (церковнославянским) языком и русским, то понятие «славенороссийский народ» должно было обозначить ту этнокультурную общность, — разумеется, глубоко древнюю и самобытную, — которая и породила эту связь. И в этом отношении Ломоносов развивал мысль, намеченную еще в украинской литературе XVII в., о «словенском» языке как общем (литературном и богослужебном) языке для «российского народа». Концепция Ломоносова-Тредиаковского выводила эту мысль на новый уровень в условиях России, обновленной культурной реформой Петра I, и обозначала перспективы дальнейшей эволюции русского литературного языка.

Подобной перспективы развития не было заложено в понятии «славянороссийского народа». Как выясняется, его история как концептуального понятия на Ломоносове, в общем-то, и закончилась⁶. Чем это объяснить? С этим вопросом я возвращаюсь к тезисам З. Когуца и С. Плохия, изложенным в начале, и их обсуждением заключаю статью.

Проведенное исследование показывает, что в произведениях украинской и русской литературы XVII в. определение «славяноросс(ий)ский» входило в употребление постепенно и важным (хотя не первостепенным) стало только в «Синописе». К его появлению привело этногенетическое конструирование, с помощью которого книжники пытались доказать древние автохтонные корни «своей» общности — русского/росс(ий)ского народа, — отталкиваясь от моделей и методов польско-латинской историографии. «Изобретение» слова «славянорусский/славяноросс(ий)ский» как определения, прилагавшегося к отдельным людям,

⁶ Разумеется, это не значит, что выражения «славянорусский/славянороссийский народ», «словеноруссы», «славяне-русь» вышли вовсе из употребления. Их можно встретить в сочинениях и В. К. Тредиаковского, и М. М. Щербатова, и Екатерины II, и других авторов XVIII и даже XIX в. Однако они перестали играть сколько-нибудь значительную роль в общих концепциях и интерпретациях русской истории и использовались редко и случайно, как правило, для обозначения некоей древней (славянской) руси до момента «призвания варягов».

территории, языку и, наконец, народу, произошло, вероятно, независимо на Украине и в России примерно в одно время (1620–30-е гг.). Это говорит о том, что его вызвали типологически сходные условия — прежде всего, одни и те же парадигмы сознания и сходные пути интеллектуального поиска, проявившиеся по всей раннемодерной Европе. Поиск был спровоцирован несоответствием средневековых династических и провиденциально-эсхатологических моделей истории новым явлениям, связанным со становлением национальных монархий и секуляризованной картины мира, и направлен на создание «воображаемой» «этнокультурной нации», о которой много пишут в последнее время исследователи раннего Нового времени [Доронин 2018].

Особенностью этногенетических конструкций на «русской/российской» почве (т. е. конструкций, оперировавших идентичностью *русь*) было то, что корни своего народа они устанавливали в некоей славянской праобщности (возможно, подобно немцам, обращавшимся к «германскому» прошлому). При этом идея единства славянских народов, фигурировавшая в историографиях западных и южных славян и звучавшая в речах дипломатов и политических деятелей, для интеллектуалов Восточной Европы оказалась не такой важной. Братство славян их мало заботило, а в центре внимания была идентичность *русь/Россия*. О чем-то общеславянском (помимо происхождения) заходила речь только в связи со «словенским» языком, под которым, впрочем, понимался именно церковнославянский — язык только православных славян. Предполагалось, что этот язык должен будет служить фактором этнокультурной интеграции «росс(ийс)кого народа». Эта мысль более явно и акцентированно была высказана в украинской («малороссийской») ученой школе (в которой, неслучайно, появились и первые грамматики и словари «словенского» языка), и в этом смысле ее можно признать носителем некоей «славянорусской культуры», о которой говорит З. Когут.

Киевскому «Синопису», безусловно, принадлежала первостепенная роль в разработке «нового проекта нации», по словам С. Плохия. Именно «Синопис» указал на «народ» как главный субъект исторического процесса, понятого не телеологически, а как результат рационально постижимых причин и следствий. Однако неверно, что его «проект идентичности» определялся понятием «славянороссийского народа». Это понятие было в книге вспомогательным по отношению к центральному, главному и лично важному для ее автора (или авторов) понятию «росс(ийс)кого народа», на котором и должна была строиться «нация». С. Плохий, впрочем, признает, что «домом славянороссийской нации» в книге мыслилась «страна по имени *Россия*», но для него появление здесь России и «росс(ийс)кого народа», объединяющего «русинов

и московитов», представляется как будто большой неожиданностью — он даже видит в этом «революционный элемент, внедренный автором «Синописа» в область раннемодерной славянской этнологии» [Plokhy 2006: 263].

Такие высказывания кажутся крайне странными. Даже если отвлечься от того факта, что и в XVII в. для масс населения от Карпат до Урала базовой (хотя, может быть, по-разному понимаемой) оставалась унаследованная с древности самоидентификация *русь*, нельзя не признать, что понятие «росс(ийс)кого народа» как общности всей православной руси звучало задолго до «Синописа», еще с конца XVI в., в частности, в тех же «Палинодии» и Густынской летописи, да и в целом ряде других произведений (см.: [Дмитриев, Шпирт 2018: 365–381; Степанов 2020: 20–93, 182–219]). Ничего «революционного» «Синопис» по сути не сказал. Он просто удачно представил единство «российского народа» в историческом плане, выделив три фактора этого единства: этногенетический («славянорусское» происхождение), политический (самодержавная власть) и религиозный (православие). Эта концепция — а точнее формулировка той концепции, которая давно вызревала, — и обеспечила популярность «Синопису» в Российской империи вплоть до эпохи, когда те же три тезиса были сформулированы более четко и уже не на «славянорусском», а собственно русском литературном языке («православие, самодержавие, народность»).

Именно эта концепция «российского народа» была поддержана в историографии и публицистике петровского времени, в частности, тем же Феофаном Прокоповичем, о ком так много пишет С. Плохий, но чью идею «народа-нации» почему-то отделяет от идеи народа в «Синописе». На самом деле, и Прокопович, и Ломоносов, и многие другие авторы XVIII в. транслировали и развивали один и тот же «проект идентичности», сформулированный в основных чертах еще в Киеве XVII в., — проект «российского народа», хотя теперь предполагавший власть не «благоверного царя», а «всероссийского императора». Этногенетический аспект этого «проекта» отошел на задний план или даже вовсе потерял свою актуальность отчасти из-за реформы азбуки, шрифта и языка, приведшей к потере ведущей роли «словенского» (церковнославянского) языка, отчасти из-за того, что «(все)российская» идентичность должна была соответствовать (и до поры до времени соответствовала) весьма разнообразным и становящимся в течение XVIII в. все более многообразным, далеко не только славянским, этнокультурным элементам империи. Сыграло свою роль и развитие научных знаний, которые заставили четко развести понятия «славянский» и «русский/российский» (в любых смыслах и сочетаниях). Сближение этих поня-

тий могло происходить позже в эпоху развитых наций и национализмов (например, в «панславизме»), но выражение «славянороссийский народ» уже осталось в эпохе раннего Нового времени, и вряд ли оно возродится.

Сокращения

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (РАН)

Библиография

Источники

Рукописи

F.IV.600

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), F.IV.600, Хронограф, ок. 1650 г.

Больш. 423

РГБ, ф. 37 (Собрание Большакова), № 423, кон. XVII в. (электронная публикация рукописи: <https://libfond.ru/lib-rgb/37/f37-423>).

Виф. 34.1

РГБ, ф. 556 (Собрание Вифанской духовной семинарии), № 34.1, кон. XVII в.; (электронная публикация рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/556/f556-341>).

Увар. 533 (1819)

ГИМ, собрание Уварова, № 533 (1819), исторический сборник, 1642 г.

Эрм. 565

РНБ, ф. 885 (Эрмитажное собрание), № 565, Хронограф, ок. 1653 г.

Издания

Гиляров 1878

Гиляров Ф. А., *Предания русской начальной летописи*, Москва, 1878.

Иоанн Златоуст 1624

Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго архиепископа Константинопольскаго Беседы на Деяния святых апостол, Киев, 1624.

Исторический рассказ 1991

Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году, *Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов)*, Г. И. Герасимова, пер., сост. и комм., Н. М. Рогожин, отв. ред., вступ. ст., Москва, 1991, 320–341.

Копыстенский 1878

Копыстенский З., Палинодия, или Книга обороны кафолической, *Русская историческая библиотека*, 4, С.-Петербург, 1878, 313–1200.

Ломоносов, 6

Ломоносов М. Н., *Полное собрание сочинений*, 6, Москва, Ленинград, 1952.

Подробная летопись 1798

Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии, 1, С.-Петербург, 1798.

Прокопович 1961

Феофан (Прокопович), архиеп., *Сочинения*, И. П. Ерёмин, ред., Москва, Ленинград, 1961.

ПСЗ, 6

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, 6, С.-Петербург, 1830.

ПСРЛ, 27

ПСРЛ, 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века, Москва, Ленинград, 1962.

ПСРЛ, 31

ПСРЛ, 31: Летописцы последней четверти XVII века, Москва, 1968.

ПСРЛ, 40

ПСРЛ, 40: Густынская летопись, С.-Петербург, 2003.

Синописис 1674

ΣΥΝΟΠΣΙΣ, или Краткое Собрание от Разных Лѣтописцев о Началь Славяно-Российскаго Народа и первоначальных кн[я]зей Б[о]госпасаемаго Града Киева..., Киев, 1674 (экземпляр Музея книги РГБ).

Синописис 2006

Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674), О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова, пред. и подг. текста, Москва, 2006.

Татищев, 1–8

Татищев В. Н., *История Российская, Собрание сочинений*, 1–8, Москва, 1994–1996.

Hustynja 2013

The Hustynja Chronicle, compiled with an introduction by O. Tolochko, Cambridge, 2013.

Strykowski 1846

Strykowski M., *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi*, 1, Warszawa, 1846.

Литература

Белокуров 1902

Белокуров С. А., *Из духовной жизни московского общества XVII в.*, Москва, 1902.

Буланин, Турилов 1998

Буланин Д. М., Турилов А. А., Сказание о Словене и Русе. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/3: XVII век, II–С, С.-Петербург, 1998, 444–447.

Гольдберг 1963

Гольдберг А. Л., Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича, *ТОДРЛ*, 19, Москва, Ленинград, 1963, 373–390.

——— 1982

Гольдберг А. Л., Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси, *Вспомогательные исторические дисциплины*, 13, Ленинград, 1982, 50–63.

Делья Агата 1990

Агата Дж., делья, Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини, *Советское славяноведение*, 1990, 5, 58–68.

Дмитриев, Шпирт 2018

Дмитриев М. В., Шпирт А. М., Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: историографические

- заметки, *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 332–383.
- Доронин 2017
Доронин А. В., Древняя Русь до Древней Руси: М. В. Ломоносов о началах российской нации, *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2017, 358–393.
- 2018
Доронин А. В., Европа рубежа XV–XVI вв.: на пороге новой истории (взгляд с Запада), *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 16–58.
- Ерёмин 1954
Ерёмин И. П., К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., *ТОДРЛ*, 10, 1954, 212–222.
- Ерусалимский 2014
Ерусалимский К. Ю., Res Rossica et Moscovitica: заметки об исследованиях Д. В. Карнаухова, *Исторический вестник*, 9 (156), Москва, 2014, 294–317.
- Живов 1996
Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII в.*, Москва, 1996.
- Жиленко 2002
Жиленко И. В., *Синопсис Київський* (= Лаврський альманах, 6), Київ, 2002.
- Карнаухов 2009
Карнаухов Д. В., *История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в.*, Новосибирск, 2009.
- Когут 2004
Когут З., Питання російсько-української єдності та української окремішності в українській думці і культурі ранньомодерного часу, *Idem, Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України*, Київ, 2004, 133–168.
- Милюков 1898
Милюков П. Н., *Главные течения русской исторической мысли*, Москва, 1898.
- Мыльников 1996
Мыльников А. С., *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века*, С.-Петербург, 1996.
- Мыщык 1978
Мыщык Ю. А., *Украинские летописи XVII века*, Днепропетровск, 1978.
- Неменский 2003
Неменский О. Б., История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы, *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин*, Київ, 2003, 409–434.
- 2008
Неменский О. Б., Представление славянской общности в «Палинодии» Захарии Копыстенского, Боголюбова Г. В. et al., ред., *Славянский мир в Третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. Сборник статей*, Москва, 2008, 120–127.
- Николаев 2008
Николаев С. И., *Польско-русские литературные связи XVI – XVIII вв.: Библиографические материалы*, С.-Петербург, 2008.
- Первольф 1888
Первольф И. И., *Славяне. Их взаимные отношения и связи, 2: Славянская идея в литературе до XVIII века*, Варшава, 1888.

Пештич 1958

Пештич С. Л., Синопис как историческое произведение, *ТОДРЛ*, 15, 1958, 284–298.

Погосян 2001

Погосян Е. А., *Петр I — архитектор российской истории*, С.-Петербург, 2001.

Рогов 1966

Рогов А. И., *Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)*, Москва, 1966.

Самарин 1998

Самарин А. Ю., *Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.)*, Москва, 1998.

Сиренов 2018

Сиренов А. В., Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории», *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 59–79.

Степанов 2020

Степанов Д. Ю., *Русь, Малая Русь, Украина. Этническое и религиозное в сознании населения украинских земель эпохи Руины*, С.-Петербург, 2020.

Толочко 1996

Толочко О. П., Український переклад «Хроніки...» Мацея Стрийковського з колекції О. Лазаревського та історіографічні пам'ятки XVII ст. (Український хронограф і «Синопис»), *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*, 231, Львів, 1996, 158–181.

Успенский 1994

Успенский Б. А., *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*, Москва, 1994.

Штайндорфф 2018

Штайндорфф Л., Славянский мир в Синописе: От Ноя до начала града Киева, *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*, А. В. Доронин, отв. ред., Москва, 2018, 311–331.

Berelowitch 2003

Berelowitch W., Les origines de la Russie dans l'historiographie russe au XVIIIe siècle, *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 58/1, Jan.-Feb., 2003, 63–84.

Golub 1986

Golub I., The Slavic Idea of Juraj Križanić, I. Banac, F. E. Sysyn, eds., *Harvard Ukrainian Studies*, 10/3-4, December (= *Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*), 1986, 438–491.

Kohut 2010

Kohut Z., From Japheth to Moscow: Narrating Biblical and Ethnic Origins of the Slavs in Polish, Ukrainian and Russian Historiography (Sixteenth–Eighteenth Centuries), *Journal of Ukrainian Studies*, 33–34, 2008–2009 (= O. A. Andriewsky et al., eds., *Tentorium Honorum: Essays Presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday*), 2010, 279–292.

Plokhly 2006

Plokhly S., *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*, Cambridge, New York, 2006.

Sysyn 1993

Sysyn F., A Speech before the Tsar: Adam Kysil's Oration on August 28, 1647 (N.S.), T. Chynczewska-Hennel et al., red., *Między Wschodem i Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, Warszawa, 1993, 133–142.

Словари и справочники

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, С.-Петербург, 1975–2015–.

References

- Berelowitch W., Les origines de la Russie dans l'histoire de la Russie au XVIIIe siècle, *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 58/1, Jan.-Feb., 2003, 63–84.
- Bulanin D. M., Turilov A. A., Skazanie o Slovene i Ruse, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/3: XVII vek, P–S, St. Petersburg, 1998, 444–447.
- Dell'Agata G., Russian Translation of "The Kingdom of Slavs" by Mauro Orbini, *Sovetskoe slaviano-vedenie*, 1990, 5, 58–68.
- Dmitriev M. V., Shpirt A. M., Identichnost' Rusi i «rusi» v pis'mennykh pamiatnikakh ukrainsko-belorusskoi pravoslavnoi kul'tury XV–XVII vv.: istoriograficheskie zametki, A. V. Doronin, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 332–383.
- Doronin A. V., Drevniaia Rus' do Drevnei Rusi: M. V. Lomonosov o nachalakh rossiiskoi natsii, Idem, ed., *Drevniaia Rus' posle Drevnei Rusi: diskurs vostochnoslavianskogo (ne)edinstva*, Moscow, 2017, 358–393.
- Doronin A. V., Evropa rubezha XV–XVI vv.: na poroge novoi istorii (vzgliad s Zapada), Idem, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 16–58.
- Eremin I. P., K istorii obshchestvennoi mysli na Ukraine vtoroi poloviny XVII v., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 10, 1954, 212–222.
- Erusalimsky K. Yu., Res Rossica et Moscovitica: zametki ob issledovaniiakh D. V. Karnaukhova, *The Historical Reporter*, 9 (156), Moscow, 2014, 294–317.
- Goldberg A. L., Ideia slavianskogo edinstva v sochineniiakh Iurii Krizhanicha, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 19, Moscow, Leningrad, 1963, 373–390.
- Goldberg A. L., Legendarnaia povest' XVII v. o drevneishei istorii Rusi, *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 13, Leningrad, 1982, 50–63.
- Golub I., The Slavic Idea of Juraj Krizanić, I. Banac, F. E. Sysyn, eds., *Harvard Ukrainian Studies*, 10/3-4, December (= *Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*), 1986, 438–491.
- Karnaukhov D. V., *Istoriia russkikh zemel' v pol'skoi khronografii kontsa XV – nachala XVII v.*, Novosibirsk, 2009.
- Kohut Z. E., The Question of Russo-Ukrainian Unity and Ukrainian Distinctiveness in Early Modern Ukrainian Thought and Culture, Idem, *Roots of Identity: Studies on Early Modern and Modern Ukraine*, Kiev, 2004, 133–168.
- Kohut Z., From Japheth to Moscow: Narrating Biblical and Ethnic Origins of the Slavs in Polish, Ukrainian and Russian Historiography (Sixteenth–Eighteenth Centuries), *Journal of Ukrainian Studies*, 33–34, 2008–2009 (= O. A. Andriewsky et al., eds., *Tentorium Honorum: Essays Presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday*), 2010, 279–292.
- Mylnikov A. S., *The Picture of Slavic World: the View from the Eastern Europe. Ethnic Legends, Pre-assumptions, Protohypothesis XVIIth – beginning of the XVIIIth century*, St. Petersburg, 1996.
- Mytsyk Yu. A., *Ukrainskie letopisi XVII veka*, Dnepropetrovsk, 1978.
- Nemensky O. B., Istoriia Rusi v 'Palinodii' Zakharii Kopystenskogo i 'Oborone unii' L'va Krevzy, *Ukraina ta Rosiia: problemy politychnykh i sotsiokul'turnykh vidnosyn*, Kiev, 2003, 409–434.
- Nemensky O. B., Predstavlenie slavianskoi obshchnosti v 'Palinodii' Zakharii Kopystenskogo, *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii, Slavianskaia identichnost' – novye faktory konsolidatsii. Sbornik statei*, Moscow, 2008, 120–127.
- Nikolaev S. I., *Pol'sko-russkie literaturnye sviazi XVI – XVIII vv.: Bibliograficheskie materialy*, St. Petersburg, 2008.
- Peshchik S. L., Sinopsis kak istoricheskoe proizvedenie, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 15, 1958, 284–298.
- Plokhy S., *The Origins of the Slavic Nations: Pre-modern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*, Cambridge, New York, 2006.
- Pogosjan Je. A., *Petr I – arkhitektorskaia istorii*, St. Petersburg, 2001.
- Rogov A. I., *Russko-pol'skie kul'turnye sviazi v epokhu Vozrozhdeniia (Strykovskii i ego Khronika)*, Moscow, 1966.
- Samarin A. Yu., *Rasprostranenie i chital'nykh pechatnykh knig po istorii Rossii (konets XVII–XVIII v.)*, Moscow, 1998.
- Sapozhnikov O. Ia., Sapozhnikova I. Iu., eds., *Mechta o russkom edinstve. Kievskii sinopsis (1674)*, Moscow, 2006.
- Sirenov A. V., Russkoe istoriopisanie XV–XVII vv.: v poiskakh 'svoei istorii', A. V. Doronin, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 59–79.
- Steindorff L., Slavianskii mir v Sinopise: Ot Noia do nachala grada Kieva, A. V. Doronin, ed., *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii*, Moscow, 2018, 311–331.
- Stepanov D. Iu., *Rus', Malaia Rus', Ukraina. Etnicheskoe i religioznoe v soznanii naseleniia ukrainskikh zemel' epokhi Ruiny*, St. Petersburg, 2020.

Sysyn F., A Speech before the Tsar: Adam Kysil's Oration on August 28, 1647 (N.S.), T. Chynczewska-Hennel et al., red., *Między Wschodem i Zachodem. Rzeczpospolita XVI-XVII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, Warszawa, 1993, 133–142.

Tolochko O. P., Ukrainian translation of "Chronicles..." by Maciej Strykowski from the collection of O. Lazarevsky and historiographical monuments of the XVII century. Ukrainian chronograph and

"Synopsis", *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*, 231, Lviv, 1996, 158–181.

Tolochko O., ed., *The Hustynja Chronicle*, Cambridge, 2013.

Uspenskij B. A., *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI-XIX vv.)*, Moscow, 1994.

Zhilenko I. V., ed., *Synopsys Kyivs'kyi*, (= *Lavrs'kyi al'manakh*, 6), Kiev, 2002.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII v.*, Moscow, 1996.

Петр Сергеевич Стефанович, доктор исторических наук,
профессор

Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ведущий научный сотрудник

Института российской истории РАН

117292 Москва, ул. Д. Ульянова 19

Россия / Russia

petr.stefanovich@mail.ru

Received September 16, 2020